

Вопросы языкознания

Виктор Ерофеев о торжестве культуры придурков

Независимая газ. — 2003. — 7 марта. — с. 14.

Сергей Шаповал

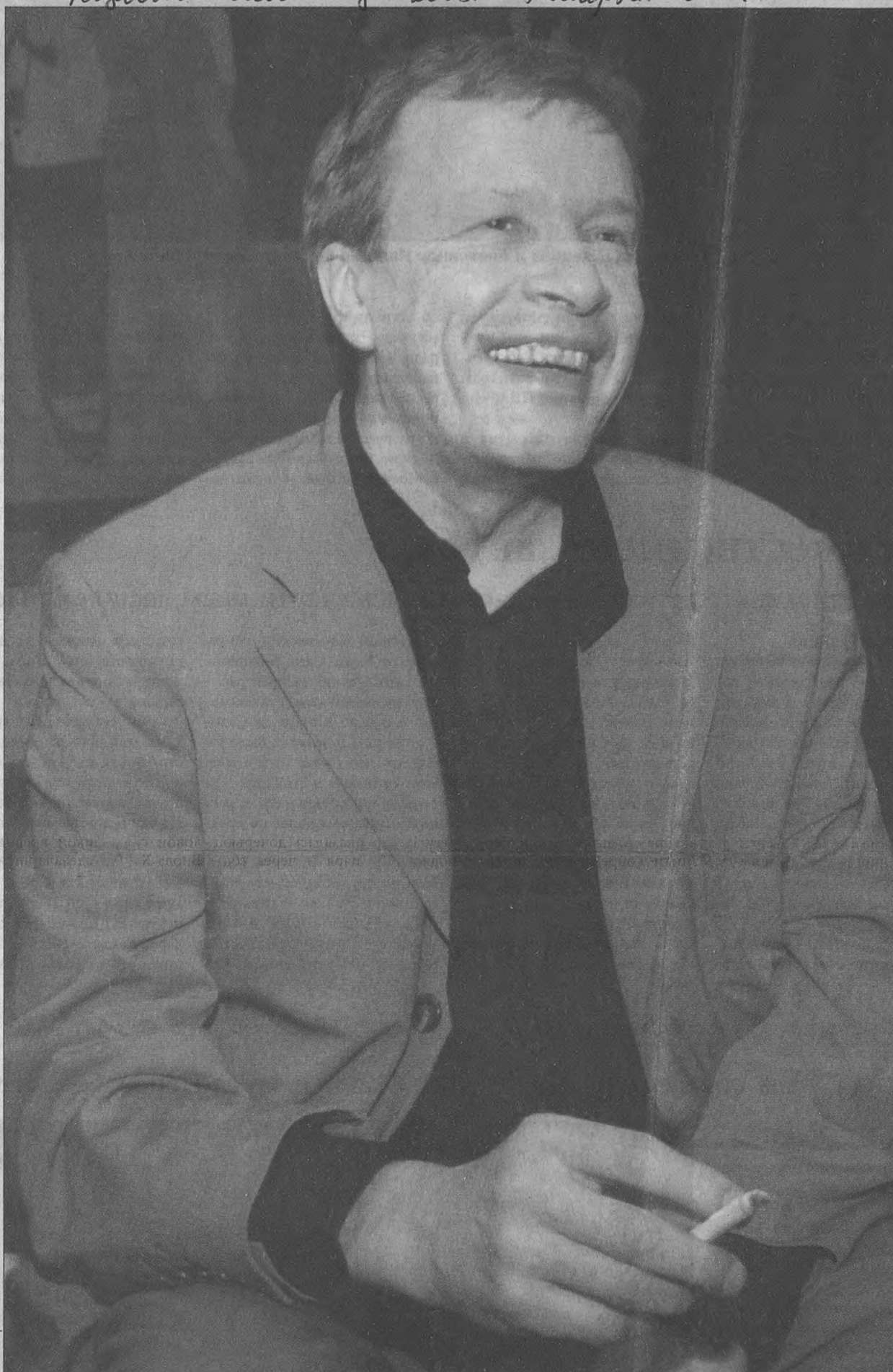
Недавнее обсуждение в Государственной Думе законопроекта о реформировании русского языка не только в очередной раз продемонстрировало уровень вменяемости и работоспособности законодателей, но и позволило за вопросами языкознания рассмотреть фундаментальные социокультурные проблемы. О некоторых из них мы сегодня беседуем с известным писателем Виктором Ерофеевым.

Виктор Владимирович, если обратиться к языку не как средству общения, а как феномену, отражающему фундаментальные общественные проблемы, какие главные болевые точки вы могли бы выделить на основе анализа современного состояния языка?

— Я думаю, каждый народ заслуживает того языка, на котором он разговаривает. Язык — самый яркий показатель состояния народа: нравственного, эстетического, исторического и т.д. Если вынести за скобки природные ресурсы, то мы будем вынуждены признать, что богатств у нас не так уж и много (я имею в виду богатства, которые мы можем разделить со всем человечеством). Одно из них — русский язык. Это удивительный резервуар, куда стеклись западные и восточные языки, где смешались высокий и низкий стили.

Русский язык очень хорошо отразил все перемены, произошедшие в стране. Мы имели деревянный советский язык, и вдруг в 90-е годы появился активный язык, выразивший желания человека. Это был большой шаг. Правда, если посмотреть на форму возникшего языка, становится жутковато, потому что это язык приклатенный. В нашей культуре, разумеется, существуют разные тенденции, но основной, увлекающей народ является культура придурков. Возьмем самые популярные фильмы и книги, самые расхожие песенки, мы увидим, что это описание теми или иными средствами состояния придурка: начиная с «Кавказской пленницы» и заканчивая поэмой «Москва-Петушки». Придурки — это юродивые современного розлива, но лишённые метафизического чердака. Главным героем стал человек, который может спастись лишь тогда, когда он уходит в глубокую несознанку. Это первый момент языкового пробуждения, имеющего и комическое, и мрачное проявления.

Второй момент — это требование вольницы и нежелание подчиняться какому бы то ни было порядку. Поэтому язык стал жадно вбирать в себя лексикологию наркоманов и бандитов.

Великий мастер языка.

Фото Александра Шалгина (ИГ-фото)

Смесь получилась яркая, столь же ярко она продемонстрировала, что страна в таком состоянии к европейским ценностям не имеет никакого отношения. Поэтому все потуги России в 90-е годы состоялись в качестве европейской страны были обречены, преградой был сам язык. А беда заключается в том, что мир не ждет, он все время наращивает скорости. Вдруг мы обнаруживаем: нас обогнал Китай, который умеет не только работать, но и структурно думать. Российские идеалы — это идеалы своеобразной полярности, когда «да» и «нет» разлетаются на огромное расстояние, а потом соединяются: русский человек на один и тот же вопрос может дать и положительный и отрицательный ответ — ничего не изменится. Ситуация очень опасная: если не взяться за ум, страна может развалиться. Вопрос уже в том, есть ли за что браться.

— В былые времена широкое присутствие блатного языка было понятно: последствия того, что в 30–40-е годы сидело полстраны, проявлялись очень долго. Но сейчас приклатенный налет в языке на фоне высоких технологий удивляет.

— За этим стоит подростковое отношение к жизни с капризным меняющимся настроением: не буду этого делать, а другое тоже надоело. Такое мироощущение лучше всего передает блатной язык, ведь именно блатные в зоне ничего не делают.

— На этом языке выражаются и конструктивные программы. Например, знаменитое «мочить в сортире» описывало тактику борьбы с терроризмом.

— Это конструктивная программа в контрпродуктивном сознании. Например, в советское время бестселлер моего однофамильца «Москва — Петушки» воспринимался как песня протеста. Прочитав книгу сегодня, можно увидеть, что в ней содержатся все симптомы болезни народного сознания. Там не смирение, а высокомерие, там господствует не доброта, а злоба и агрессивность и т.д. В советскую эпоху это создавало иллюзию берлоги, в которой ты можешь спрятаться, но сейчас, когда ты имеешь возможность открыто заниматься чем хочешь, такое отношение к действительности означает торжество контрпродуктивного сознания. В этом нет нашей уникальности. Я несколько раз ездил на машине из США в Мексику. Едешь по Америке — все обустроено и продумано до мелочей, только переезжаешь границу — стоит мексиканка и в корыте стирает белье. А ведь в Мексике не было советской власти, все поощряло ее стать такой же, как Америка. Видимо, здесь одна из загадок народного сознания.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15